

«ГОРОД БУДУЩЕГО» В КУЛЬТУРЕ: ЛЕНИНГРАД И ТЕЛЬ-АВИВ (БЕЛЫЙ ГОРОД)

Дай Чуан

В статье анализируются попытки практической реализации проектов «города будущего» в России и Израиле – в Ленинграде и Тель-Авиве. Показано, что идея визуализации будущего представляет собой типичное явление культуры XX в., выступая следствием изменения философского понимания пространства. В современной философии пространство понимается, как правило, условно и допускает множественность интерпретаций и форм построения. В Европе наиболее известные проекты «города-будущего» были созданы архитекторами футуристического направления, это «город-сад» Э. Говарда, «Новый город» А. Сант’Элиа и др. Под влиянием утопического мышления в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. также создаются проекты нового города будущего, которое связывалось с наступлением коммунизма. Появились новые виды строений, такие как фабрика-кухня, жилой дом коллективного типа, дворец культуры, общественная баня, клуб. Их архитекторы придерживались принципов конструктивизма, подчеркивая функции зданий через их формы. «Белый город» Тель-Авива (более 4 тысяч зданий) был построен в соответствии с идеями школы Баухаус. Хотя исторически Тель-Авив представляет собой типично еврейский город на Ближнем Востоке, в центре города имеются кварталы, построенные в «интернациональном стиле» Баухаус с целью реализации проекта создания нового города – города будущего. Анализ архитектуры этого города, как и Ленинграда, демонстрирует влияние идеологии посредством архитектуры. Кроме того, он позволяет сделать вывод о том, что проекты городов будущего следует рассматривать как образцы концептуального искусства.

Ключевые слова: Ленинград, Тель-Авив, футуризм, город будущего, Баухаус, конструктивизм, концептуальное искусство.

Санкт-Петербургский государственный университет

The article describes and analyzes the ways the projects of the “city of the future” were practically realized in Russia (Leningrad) and Israel (Tel Aviv). It is shown that the idea of visualizing the future was a typical phenomenon of the 20th century culture, resulting from the transformation of the philosophical understanding of space. In modern philosophy, space is understood, as a rule, as something conventional, therefore space may be and is interpreted in many ways. This plurality of interpretations leads to plurality of different forms of space construction. In Europe, the most famous projects of the “city of the future” were proposed by architects of the futuristic school, among them there were the “Garden Cities of To-Morrow” by Ebenezer Howard and “The New City” by Antonio Sant’Elia. In the Soviet Union in the 1920s–1930s, some projects of a new city of the future were also created, being a kind of tribute to utopian thinking inspired by the ideology of communism. There appeared new types of buildings, such as a factory-kitchen, a collective-type dwelling house, a palace of culture, a public bath, a club. Their architects adhered closely to the principles of constructivism, emphasizing the function of buildings through their forms. The “White City” of Tel Aviv (more than 4 thousand buildings) was built in accordance with the ideas of the Bauhaus school. Although Tel Aviv has historically been a quintessentially Jewish city in the Middle East, the city center has quarters built in the “international style” of the Bauhaus to create a new city – the city of the future. An analysis of the architecture of this city, like the architecture of Leningrad, demonstrates the influence of ideology through architecture. Therefore, projects of cities of the future should be regarded as examples of conceptual art.

Keywords: Leningrad, Tel Aviv, futurism, city of the future, Bauhaus, constructivism, conceptual art.

Идея города будущего в культуре

Идея визуализации будущего появилась в начале XX в. в контексте изменения философского понимания пространства. Пространство теряло свое традиционное символическое значение и все больше осмысливалось с точки зрения будущего. Как писал Ницше, «будущее говорит уже в сотне признаков, эта судьба повсюду возвещает о себе, к этой музыке будущего уже чутко прислушиваются все уши» [7, с. 33]. Предложенная Ницше переоценка всех ценностей стала определяющей существо реальности, мир прошлого разрушился. Появилось новое, «мифическое» представление о будущем. Ф. Т. Маринетти писал в «Манифесте футуризма»: «Мифология, мистика – все это уже позади! На наших глазах рождается новый кентавр – человек на мотоцикле, – а первые ангелы взмывают в небо на крыльях аэропланов!» [11, с. 158].

Традиционные ценности теряли смысл, у общества появилась возможность обновиться, уйти от моделей императорской эпохи и создать нечто новое. Как верно заметил современный исследователь, «геоцентрическая модель Вселенной стала казаться абсурдной, поэтому множество ритуалов и традиций, в том числе архитектурных, связанных испокон веков с ее воспроизведением, превратилось в некие метафоры, условные знаки, символы и просто привычные образцы для подражания» [1, с. 99]. Футуризм положил начало процессу оформления будущего как «идеального пространства для жизни».

В данном контексте изменилось и понимание человека. Он больше не воспринимался как статичный субъект: на смену пришло представление о нем как о функции, что предполагало постоянное социальное взаимодействие. Осознание личности как функции и социальная идея будущего получили отражение в концепциях социальной утопии. Утопия в XX в. подразумевает идеальную модель будущего. «Структура и содержание образов-утопий как социальных, так и специализированных основываются на субъективном волевом подчинении главному смысловому стержню; элементы действительности, не укладывающиеся в идеальную модель или не работающие на ее обоснование и построение, игнорируются» [3, с. 4]. Понятие материала и понятие формы вещей и архитектуры стали объектами визуализации будущего. Такая идея изображения социальной утопии впервые появилась в школе Баухаус. Члены Баухауса придерживались социологической идеологии. Они работали, создавая новые, современные здания, чтобы изменить лицо общества, освободить его от необходимости следовать достаточно сложному прикладному стилю императорской эпохи. Их центральная идея – построить социальную утопию, или же совершить визуализацию их утопической идеи – построить город будущего.

Некоторые проекты города будущего

В начале XX в. появились такие проекты градостроительства, в которых реализовывались утопические идеи, как «город-сад» (Э. Говард),

«летающий город футуризма» (Г. Т. Крутиков), «город-линия» (И. И. Леонидов), «Новый город» (А. Сант-Элиа) и т.д. А. В. Иконников отмечал в книге «Утопическое мышление и архитектура»: «Специализированные утопии, в их числе и архитектурные, которые так же испытывались на осуществимость, как и новая социальная парадигма, возникали не в системе сложившейся (пусть и неустойчивой, пошатнувшейся) реальности, но в ситуации, где разрозненные фрагменты разрушенной системы перекрывались и связывались между собой новыми элементами и новыми связями утопической модели» [3, с. 284]. Утопическое мышление в архитектуре, как дух эпохи модернизма, было универсальным и отражалось в разных стилях архитектуры в то время. Под его влиянием архитектура превращалась в чистую функцию, чистую идеологию, существенно меняя свои символические значения.

«Новый город» Сант-Элиа является футуристическим вариантом градостроительства. Его схема имеет характер графики, то есть город изображается обобщенно, энергично и фантастически. «Убедительность фантазии Сант-Элиа придает выразительность обобщенной форме его рисунков, подчеркивающей контрасты наклонных террасообразных объемов зданий и вертикалей лифтов, вынесенных наружу, массивности корпусов и легкости мостиков-переходов. Плоские кровли венчают здания – крыша над центральным городским вокзалом должна была служить и аэродромом» [3, с. 217]. Очевидно, в этом заложены технократическая идея машинной формы и другие элементы футуризма. «Подразумевается, что в “Новом городе” они будут сняты развитием техники, которая и в тексте, и в рисунках Сант-Элиа трактуется не рационально, но романтически» [3, с. 216]. Образ «города будущего» – это на самом деле фантазия, утопия, концептуальное и «бумажное» представление о будущем.

«Идея города-сада Э. Говарда возникла в конце XVII в. как ответ на неразрешимость жилищных проблем капиталистической эпохи, вызванных прежде всего высокой стоимостью городской земли» [6, с. 29]. Центральная идея города-сада заключается не в «живописном плане» и не в проекте создания «зеленого места с цветами», а преимущественно в градостроительной политике, в жилищной проблеме. «Прежде всего потому, что они были дешевле в постройке и эксплуатации, нежели многоэтажные и многоквартирные. Основополагающим в таком самоуправляемом, саморазвивающемся, самодостаточном поселении было не количество деревьев и кустарников, а уничтожение эксплуатации человека человеком и жилищной нужды» [6, с. 25]. Разумно предположить, что идея города-сада – это идея урбанистическая. На тот момент она была крайне популярна как в Европе, так и в России.

Любопытна мысль, которую А. В. Иконников изложил в книге «Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве»: «Архитектурная форма – организация пространства и материальных структур объекта (здание, сооружение, группа построек), обеспечивающая необходимые физические качества окружения и целесообразную упорядоченность оп-

ределенного комплекса процессов жизнедеятельности, символически выражающая при этом информацию об этих процессах и связанные с ними значения. Соотносимая с функцией объекта как способ ее осуществления (форма для данного содержания), она должна выражать ее, но отнюдь не обязательно следовать в своих физических параметрах ее пространственной артикуляции (требование, которое пытался ввести как догму ортодоксальный функционализм; изменчивость функций при этом вела к моральному устареванию формы, опережающему физическую амортизацию материальных структур)» [2, с. 39].

Наиболее интересно сравнивать разные проекты города-будущего, которые уже были воплощены в жизнь, с точки зрения их художественных и идеологических аспектов. Ориентация на будущее – это уже концепция. Будущее – это учение или представление человека о времени. Архитектура ориентируется на жизнь в будущем: новые люди живут в новых домах и новых городах. Необходимо отметить, что в начале XX в. в Европе тоже имели место подобные тенденции в архитектуре в связи с трансформацией города из традиционного в промышленный в результате наступления «машинного века». В тот период появилось новое понимание архитектуры – архитектура с элементами утопии. Иначе говоря, это концептуальная архитектура, нацеленная на решение социальных проблем. В данной статье мы рассмотрим два известных проекта города будущего, которые были воплощены в реальность в России и в Израиле: Ленинград и Белый город (Тель-Авив).

Ленинградская утопия

В ранние годы советской власти архитектура авангарда, вдохновленная футуризмом, играла главную роль в процессе построения зданий новой страны. В дальнейшем она разделилась на два основных течения: конструктивизм и сталинский стиль.

С появлением конструктивизма архитектура стала ориентироваться на создание системы строений для нового промышленного общества и коммунального жилья (жилой дом), чтобы решить насущные социальные проблемы. После Октябрьской революции 1917 г. в России начался активный поиск утопической модели архитектуры, который совпал с масштабным социокультурным проектом Советского Союза – построением идеального нового общества. Е. А. Власова писала по этому поводу: «Для советской архитектуры с первых же лет ее существования была характерна устремленность к строительству нового мира, обусловленная происходящими в стране политическими и социальными процессами. Искренняя вера в благополучие этого мира, размышления над его устройством и возможность свободного художественного высказывания привели архитекторов к интенсивным творческим экспериментам в создании новых архитектурных образов и языка, а в социальном отношении – к появлению типологически уникальных зданий и пространственных комплексов, среди которых – соцгорода, жилкомбинаты, домакоммуны, фабрики-кухни» [10, с. 23]. Начался поиск композиции для

«машинного века», были организованы массовые функциональные сооружения для повседневной жизни, такие как фабрика-кухня, баня, спортзал, клуб и т.д. Затем возникли постконструктивизм и сталинская архитектура (по мнению некоторых ученых, этот советский вариант ар-деко является продолжением стиля авангард), они были ориентированы преимущественно на социальные ценности стабильного государства.

Если мы рассмотрим Ленинград в 1920–1930-е гг., то станет совершенно очевидно, что архитектура здесь ориентируется на конструктивизм, который подчеркивает функции через формы. Важно отметить, что целый город был спроектирован согласно основным чертам данного направления. Об этом писала, например, Е. В. Первушина в книге «Ленинградская утопия. Авангард в архитектуре северной столице»: «Некоторые жилые массивы изначально проектировались как “соцгорода” с “обобществленным бытом и коллективными формами проживания”. Такими стали Жилкомбинат НКВД (1930 г., арх. И. П. Антонов, В. Д. Соколов, ул. Восьмого марта, 2) и Дом Госпромурала (1931–1938 гг., арх. Е. Н. Коротков, Г. П. Валенков, ул. Ленина, 52–54)» [8, с. 54]. Изменилось и внутреннее содержание жилого дома: «Правила внутреннего распорядка для жителей дома устанавливались управлением завода. В этих домах также проводились некоторые эксперименты по обобществлению быта: устранялись кухни, организовывались общественные столовые, прачечные, бани, детские сады» [8, с. 59].

Мы видим, что Ленинград создавался как своего рода коллективное общежитие, фабричные функции которого выполняли кухни, школы, бани, дворцы культуры и т.д. Устройство социальной жизни велось с целью построить коммунистическое общество, а архитектура считалась служебным элементом для реализации данной идеи. Например, фабрика-кухня задумывалась не только для того, чтобы рабочие заводов могли питаться, экономя свое время, но и для того, чтобы решать социальные проблемы. «Фантасты 1920–1930-х годов изоощрялись, придумывая, как будут питаться люди в будущем. Еду будут подавать головой, из столовых, расположенных на первых этажах, с помощью лифтов прямо в кухню. Нет, все будут экономить время и место и принимать специальные пищевые таблетки» [8, с. 131]. В Ленинграде такими примерами выступают Тосковско-нарвская фабрика-кухня (пл. Стачек, 9), Василеостровская фабрика-кухня (Большой пр. В.О., 68) и т.д.

Новое общество, которое ориентировано на будущее, должно иметь свой театр, свои лаборатории, свою культурную жизнь. Таким образом, дворец культуры стал типичным проектом в архитектуре Советского Союза. Дворец культуры выполнял функцию бывшей церкви, но в нем никогда не было Бога. Ярким примером служит клуб культуры «Красный путиловец» (пр. Стачек, 48А): «Купол церкви сменила стеклянная треугольная призма-фонарь, предназначенная для кинобудки, что сразу придало зданию футуристический конструктивистский облик, будка являлась главным украшением фасада, ее дополнял гофрированный фриз из оцинкованного железа, эмблемы серпа и молота и надпись с названи-

ем клуба во всю высоту стены» [8, с. 219]. Можно прийти к выводу, что и стеклянный материал, и формы, и детали, характерные для конструктивизма, были призваны служить идее создания новой культурной жизни. Еще одним достаточно типичным конструктивистским проектом является баня, в ней через архитектуру отражен функциональный характер постройки. «Круглые бани» в Лесном (пл. Мужества, 3) проектировались следующим образом: «Во дворе круглого здания должен был разместиться бассейн под стеклянным куполом, а на плоской крыше банного корпуса – солярий. Округлая форма позволяла сократить площадь стен, а значит, уменьшить потери тепла» [8, с. 260]. Важно отметить, что стеклянный купол был зафиксирован в конструктивизме как художественный знак.

В период 1932–1937 гг. советская архитектура авангарда сменила свое направление. От конструктивизма она перешла к сталинскому ампиру, иначе говоря, к «неоклассицизму». Вопрос создания новой жизни для нового общества, можно сказать, уже решился в техническом смысле во время конструктивизма. Архитектура сталинского стиля должна была выполнять функцию визуализации социальной жизни, находящейся «под властью».

Тель-Авив: Белый город – «Новый Дессау»

Другой интересный проект – «Белый город» Тель-Авив – показывает нам, как история изменяет географию. «Белый город» был построен в соответствии с идеями членов Баухауса. Он был «первой сознательной попыткой создать историю – причем программную – израильской архитектуры. В этой историографии белый город Тель-Авив и его композиция были выбраны в качестве инаугурационной нулевой отметки – момента, с которого началась израильская архитектура» [9, с. 14]. Тель-Авив создал свою историю через архитектуру. «Другими словами, специфика постмодернизма в израильской архитектуре кроется не в оглядке на прошлое, свойственной историзму, а в отчетливой обратной реакции, которая произошла, как только она остановила свой взгляд на прогрессивной модернистской стадии своего развития, связанной с естественным желанием двигаться вперед, в будущее» [9, с. 15]. Название «белый город» (белый цвет) выражает дух авангарда и интернационализма в Баухаусе, а также показывает отношение между границами истории и концепции.

«История о Белом городе с его стилем Баухаус проникла во все области израильской общественной жизни и постепенно стала неотъемлемой – а затем и естественной – частью тель-авивских реалий. Несмотря на то, что специальных академических исследований о связи школы Баухаус с Тель-авивом (или наоборот) опубликовано не было, эти два названия – «Тель-Авив» и «Баухаус» – упоминались как синонимы в сотнях тысяч статей, лекций, экскурсий и бесед» [9, с. 18].

Интернациональный стиль, созданный школой Баухаус, стал основной концепцией исторического центра старого города Яффы. «Стиль Баухаус, похоже, соединил в себе искру утопии с патиной традиции,

сверкающую белизну европейского авангарда – с ослепительным средиземноморским солнцем. Это позволило многим тельавивцам вести буржуазный образ жизни и при этом щеголять социалистическим, прогрессивным фасадом, утешая себя тем, что, хоть город их и кажется серым и обшарпанным, на самом деле он белый и чистый» [9, с. 20]. Это типичный пример реализации определенной концепции в архитектуре и градостроительстве, создающей пространство для повседневной жизни.

Описываемый интернациональный стиль возник не из Баухауса, его основателем, скорее, стоит считать архитектора Ле Корбюзье (1887–1965). Под влиянием его идеи «дом – машина для жизни» архитекторы начинают «очищать» свои проекты от посторонних украшений, сосредоточившись на конструкции здания, на его функциональности [8, с. 41]. Центральная концепция у Ле Корбюзье представляет собой то, как «язык архитектурных форм освобождается от всего необязательного, декоративного, неконструктивного. Это постройки для нового мира, порвавшего со своим прошлым» [8, с. 43]. Это совпадает с ориентацией на будущую новую жизнь. Хотя Тель-Авив является историческим еврейским городом ближнего востока, внутри него отмечен «интернациональный стиль» Баухауса как проект нового города – города будущего.

Заключение

В проектах городов-будущего Ленинграда и Тель-Авива главной идеей является формообразование. Формообразование – это основополагающая тема эпохи модернизма. Э. Кассирер в «Философии символических форм» писал: «Всякое познание, какими бы разными ни были его пути и направления, в конечном счете стремится свести многообразие явлений к единству “основоположения”». Отдельное не должно оставаться отдельным, ему надлежит войти в ряды взаимосвязей, где оно будет уже элементом “системы” – логической, телеологической или причинной» [4, с. 15]. Художественный язык архитектуры как символическая форма выражает определенную познавательную ориентацию эпохи. Формообразование (стилеобразование, изменение приемов) в искусстве соотносится с процессом объективации мира в результате его познания. Архитектура и градостроительство – это своего рода символические формы, обусловленные познавательной объективацией окружающего мира и обуславливающие его формирование.

Следует обратиться к тезисам А. Лефевра, сформулированным в книге «Производство пространства»: «Архитектура как тело имеет телесность. Пространство само по себе абсолютно относительное, но телесность, в том числе архитектура, задает ориентацию. Таким образом, напрашивается обратная гипотеза» [5, с. 173]. Архитектура как символическая форма выражает и производит сконструированное пространство. В процессе оформления ее символической модели участвует авторская идея. Таким образом, мы можем рассматривать современную архитектуру как жанр концептуального искусства. Демонстрация социального концепта универсально существует в архитектуре и градостроительстве

XX в. С помощью анализа концептуального искусства мы можем лучше понять художественный аспект архитектуры и градостроительства.

Город ориентируется на жизнь будущего: новые люди живут в новых домах и в новых городах. Это отражено в таких архитектурных проектах, как жилмассив, дом-коммуна, фабрика-кухня, школа, больница, дворец культуры, баня, универмаг, промышленное предприятие и учреждение администрации и т.д. Подобная идея легла в основу реальных градостроительных проектов Ленинграда и Тель-Авива. В процессе их осуществления мы наблюдаем коренное изменение не только культурного пространства, но и сознания людей.

Литература

Исследования

1. *Бондаренко И.А.* Теория в истории архитектуры и градостроительства: Публикации разных лет. СПб.: Коло, 2017.
2. *Иконников А.В.* Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М.: Комкнига, 2006.
3. *Иконников А.В.* Утопическое мышление и архитектура: Социальные, мировоззренческие и идеологические тенденции в развитии архитектуры. М.: Архитектура-С, 2004.
4. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 1: Язык. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.
5. *Лефевр А.* Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
6. *Меерович М.Г.* Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
7. *Ницше Ф.* Воля к власти. М.: REFL-book, 1994.
8. *Первушина Е.В.* Ленинградская утопия. Авангард в архитектуре Северной столицы. М.: Центрполиграф, 2012.
9. *Ротбард Ш.* Белый город, Черный город. Архитектура и война в Тель-Авиве и Яффе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

Источники

10. Авангардстрой. Архитектурный ритм революции 1917 года / Сост. И. В. Чепкунова, М. А. Костюк, Е. Ю. Желудкова, Е. А. Власова, М. Р. Амедова. М.: Фонд «Связь Эпох», Кучково поле Музеон, 2018.
11. Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века / Ред. Л. Г. Андреев. М.: Прогресс, 1986.

Dai, Chuang. “City of the Future” in Culture: Leningrad and Tel Aviv (White City)

References

1. Bondarenko, I.A. (2017), *Teoriya v istorii arkhitektury i gradostroitel'stva: Publikatsii raznykh let* [Theory in history of architecture and urban planning: Publications of different years], Kolo, Saint Petersburg.

2. Ikonnikov, A.V. (2006), *Prostranstvo i forma v arkhitekture i gradostroitel'stve* [Space and form in architecture and urban planning], Komkniga, Moscow.
3. Ikonnikov, A.V. (2004), *Utopicheskoye myshleniye i arkhitektura: Sotsial'nyye, mirovozzrencheskiye i ideologicheskkiye tendentsii v razvitii arkhitektury* [Utopian thinking and architecture: Social, worldview and ideological trends in the development of architecture], Arkhitektura-S, Moscow.
4. Cassirer, E. (2013), *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 1: Yazyk* [Philosophy of symbolic forms. Vol. 1: Language], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow.
5. Lefebvre, H. (2015), *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space], Strelka Press, Moscow.
6. Meerovich, M.G. (2017), *Gradostroitel'naya politika v SSSR (1917–1929). Ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku* [Urban planning policy in the USSR (1917–1929). From a city-garden to a departmental workers' settlement], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow.
7. Nietzsche, F. (1994), *Volya k vlasti* [The Will to Power], REFL-book, Moscow.
8. Pervushina, E.V. (2012), *Leningradskaya utopiya. Avangard v arkhitekture Severnoy stolitsy* [Leningrad utopia. Avant-garde in the architecture of the Northern capital], Tsentrpoligraf, Moscow.
9. Rotbard, Sh. (2017), *Belyy gorod, Chernyy gorod. Arkhitektura i vojna v Tel'-Avive i Yaffe* [White city, Black city. Architecture and war in Tel Aviv and Jaffa], Ad Marginem Press, Moscow.